

Ссылка архимандрита Феофана в Кириллов монастырь

Традиционные Димитриевские образовательные чтения, в 18-й раз состоявшиеся в ноябре 2015 года, были посвящены 1000-летию установления духовных и культурных связей Афона с Россией. Выступающие на чтениях рассказали немало нового о разнообразных многовековых взаимоотношениях между Святой Горой и Русским Севером. Одному из «белых пятен» российско-афонских отношений был посвящен доклад Ирины Николаевны Паршуковой, директора Музея фресок Дионисия в Феррапонтове, который редакция предлагает читателям «Вологодского ЛАДА».

Завоевание Константинополя турками в 1453 году создало новые условия для отношений Афона с Россией. С этого момента возрастает значение Афона как единственного культурного славянского центра, более или менее свободного от турецкого гнета. В афонских монастырях принимали монашеский постриг русские люди, поддерживавшие постоянные связи со своей родиной. В свою очередь, афонские старцы были постоянными гостями в Москве. В XVI-XIX веках афонские иноки неоднократно выезжали в Россию за сбором милостыни.

В их числе был и архимандрит Феофан, «уроженец черкасских казаков» из Речи Посполитой, получивший образование в одной из украинских или молдавских православных коллегий. Он владел латинским, греческим, турецким, польским, молдавским, русским языками. В конце 50-х годов XVII века Феофан служил в Яссах, при дворе молдавского господаря Стефана Лупу, являлся его духовником. Позднее ушел на Афон, где стал архимандритом Констанонитова монастыря, находившегося в одной из самых живописных местностей Афона, у

Тюремные кельи в северном прясле

Сингитского залива, между монастырями Зограф и Дохиар.

После установления турецкого господства на Афоне начался затяжной и тяжелый экономический кризис. Константинов монастырь разделил участь других афонских обителей. Источники XVI-XIX веков сообщают о постепенном разрушении его архитектурных памятников. Феофан, чтобы пополнить скудную казну вверенной ему обители, вынужден был обратиться за помощью к православным правителям Молдавии, Валахии и России. В Молдавии и Валахии он получил щедрые пожертвования деньгами и льготы на земли, обрабатываемые его монастырем. В России архимандрит остановился в московском Никольском монастыре, бывшем подворьем афонского Иверского монастыря. В нашей стране Феофан получил прозвание Сербин.

Афонские старцы оказывали значительную поддержку опальному патриарху Никону. В июне 1663 года без царского разрешения архимандрит Феофан Сербин ездил к патриарху Никону в Ново-Иерусалимский монастырь и передал ему мощи мученика Власия и грамоту от 20 афонских монастырей, свидетельствующую о признании Никона главой Русской церкви. Архимандрит Феофан также доставил в Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь, к опальному патриарху Никону, икону греческого письма на кипарисной доске - копию чудотворной иконы Хиландарского монастыря - «Богоматерь Троеручица».

Самовольная поездка не осталась незамеченной. Так, 31 октября 1663 года на Феофана Сербина было заведено дело. Допрашивал архимандрита думный дьяк Алмаз Иванов. Феофан утверждал, что «того-де он не ведал, что без указа великого государя к патриарху здити никому не велено». По словам Феофана, архимандрит Исаакий научил его, чтобы «он к патриарху ездил, не бив челом» (государю). За неделю до поездки к патриарху архимандрит Феофан встречался с Дениской, келейником патриарха Никона, которому

и сообщил о грамоте и мощах священномученика Власия.

Спустя неделю Никон послал келейника с лошадьёю и телегой за архимандритом. «И патриарх, приняв грамоту и мощи, умыл ему, архимандриту, ноги и звал ево за трапезу. И он, архимандрит, за трапезою у патриарха был. А после трапезы благословил ево патриарх иконою да на милостыню дал ему денег 20 рублей. И велел ево отвесть к Москве тому же келейнику своему Денису». Только один день архимандрит Феофан провел у Никона. На трапезе тогда, кроме Феофана, было около 200 мирских людей.

Вскоре, 11 декабря 1663 года, последовал указ царя Алексея Михайловича о ссылке афонского архимандрита Феофана в Кирилло-Белозерский монастырь. Согласно документу, Сербин был обвинен в шпионаже, в «тайном проведывании вестей». Именно так трактовались его поездки, организованные для сбора милостыни. Царский указ определял условия пребывания ссыльного в монастыре. Братии Кириллова монастыря («архимандриту Никите, старцу Матвею Никифорову, келарю старцу Павлу Ремезову з братией») предписывалось опальных «беречь накрепко, чтоб из монастыря архимандрит и старцы и служки не ушли и писем никаких с старцами своими и з слушкою и с ьными никем не послали», и при этом - «утеснения никакого не чинить», «пищу давати брацкую довольно», в церковь разрешать ходить.

Следующий указ, подписанный государем 18 марта 1664 года, повторял строгое распоряжение - «с монастыря ево, и старцов, и служку до нашего указу спускати не велено» и закреплял привилегированное положение ссыльного, «чтоб он (Феофан) не оскорблялся, велено ему у вас в Кириллове монастыре не за опалу побыть. И велели ему почесть чинить по монастырскому чину, и пищу и питье давати ему против дву братьев довольно, и тесноты ему и братье ево, которые с ним посланы, и никакова оскорбления чинити не велели». Так архимандрит Феофан оказался в

Кирилловом монастыре в положении почетного ссыльного: получал содержание, достойное его сана, служил в архимандричьем облачении, дружил с влиятельным старцем, знаменитым келарем Матфеем Никифоровым, обучал греческим распевам кирилловских клирошан, читал книги из монастырской библиотеки. В это время в Синодике Кириллова монастыря (КП 2791, РК 130) появилась запись рода архимандрита Феофана.

В документах Посольского приказа и Иверского монастыря сохранилось описание внешности Феофана: «Ростом не мал, лицом полон, а бороды и усов по природе нет». Возраст его - около 35 лет, весьма одарен: красноречив, пел на клиросе, играл на цимбалах, писал иконы, резал кресты.

В ссылке архимандрит Феофан выполнил перевод колофона (так называется текст на последней странице рукописной или старинной печатной книги, в котором сообщаются данные об авторе, времени и месте создания произведения) в греческой Псалтыри, написанной Максимом Греком. В книге Феофан сделал приписку, в которой назвал себя «подражателем» святогорского старца.

По просьбе Матфея Никифорова Феофан написал два сочинения об Афоне - «Рассказ о святогорских монастырях» и «Изложение богослужебного устава Святой Горы», посвященное описанию церковных чинопоследований. В «Рассказе о святогорских монастырях» второй в списке была описана Констанитова обитель: «Констоманит, здание царя Константа, сына великого царя Константина. В том монастыре - церковь святого перво-мученика и архидиакона Стефана. А в той церкви чудотворная икона Пречистыя Богородицы, вторая икона - перво-мученика архидиакона Стефана, и мощи - глава ево, Стефанова. А братии в том монастыре - 90. Отходных келей - 135. Да на море во островах - три скита в пещерах, с церквями».

С декабря 1663 года велась переписка между царем Алексеем Михайловичем и

греческими властями, Газским митрополитом Паисием и Сербским архиепископом Нектарием, где затрагивались причины задержания архимандрита Феофана и ссылки его в Кириллов монастырь. В одном из ответов («сказок») от 15 декабря 1663 года, полученных в Посольском приказе, отмечалось, что «тот архимандрит сослан за свое высокоумие и за многое бесчиние, а старцы де, которые с ним посланы, того ничего не ведают».

Летом 1665 года афонский архимандрит монастыря святого Павла Иоанний отправил челобитную царю Алексею Михайловичу с просьбой о возвращении на Афон казны, собранной Феофаном. В обосновании просьбы значилось: «чтоб та казна монастырская не пропала, потому что тот монастырь скудной паче всех монастырей».

Через некоторое время, Алексей Михайлович пожаловал двух черных дьяков, старца и служку вернуть в Москву «со всею ружелью и с монастырскими зборными милостинными денгами, а архимандриту Феофану до государеву указу побыть в Кирилове монастыре...».

Архимандрит Феофан воспользовался этим и в ночь на 7 октября 1665 года, выломав окно задней кельи, перелез по веревке через крепостную стену и бежал из монастыря. «С собою Феофан взял книгу Псалтырь с воследованием, грамоту ставленою, печать вислую на красном воску, пиногерь с огнивом, рукавицы, исподку, вязаные коты, мешочек холщовый с сухарями, 18 золотых, один из них двойной, денег 5 рублей 17 алтын 2 деньги, панагию медную, на ней киотец свинцовой, гребень роговой».

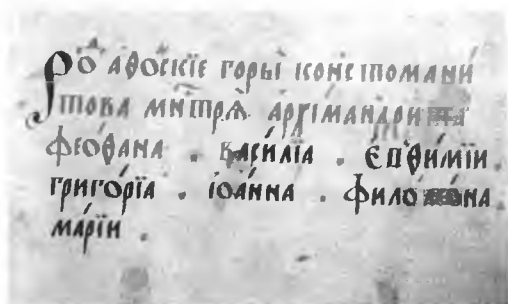
Его искали 10 дней. Из расспроса крестьян деревни Власово Исачко Федосиева, его сына Федки и брата Михайки известно, что они поймали афонского архимандрита Феофана на реке Порозовице, связали, хотели вести в село, но архимандрит стал бить челом и молиться, чтобы его отпустили. Достал из-за пазухи мешок с деньгами и отдал им. Денег насчитали двенадцать рублей 16 алтын 2 деньги и

их разделили на троих. Архимандрита Феофана развязали, рассказали, как добраться до Спасо-Каменного монастыря, и указали, как обойти все заставы.

Феофана поймали 18 октября в 80 верстах от Кириллова монастыря, в устье реки Кубены, в вотчине бояр Салтыковых, заковали в кандалы и вернули назад. В докладной записке думный дьяк Алмаз Иванов сообщал, что Феофан хотел бежать в Иверский монастырь и об этом знали старцы киевлянин Мирон, Анатолий, Селиверст и Вастьян.

Архимандрит Феофан в письме к своему покровителю, кирилловскому старцу Матфею Никифорову, объяснил причину своего побега следующим образом: «...Как пришла государева грамота по Васьяне ...и пришел ко мне диакон Моисеи и сказывал мне втайне: «Слышал, де, я у архимандрита, что, де, тебе искуют, и ты де поберегися». И аз испрашова: «Как быти?». И он велел мне избежати и сказал, как и перелезти стену и куды бежати. И сказал мне и дорогу. И аз поверовал тому, и побояхся, и побежал. И теперь аз за его поганую беседу стражду в тяжких железах...».

В начале распоряжением государя предписывалось отправить его «со всяким сбережением» в Посольский приказ. Однако по новому государеву указу архимандрит Феофан был сослан в Соловецкий монастырь с наказом «держат там в оковах до особого указа», а пищу велели давать «брацкую». Опальный архимандрит взял с собой всю свою рухлядь: «Крест серебрян, золочен, внутри киотец, на нем шесть бирюзок, весом полсема золотника. У креста чепочка золотая весом в 10 золотников. Осмнатцать золотых, один в них двойной, весом все шестнатцать золотников. Книга Псалтырь со воследованием писмяная, в четь. Книга Псалтырь писмяная по-гречески, в четь. Книга Часослов, в шестушку. Книга Библия латинская, в полдест. Грамота ставленная моя. Шуба: верх - сукно немецкое, черное, испод - черева лисьи, держана. Кошуля: верх - бумазая черна, испод зайчинной. Двои сапоги, башмаки, пять полотенец

Запись рода архимандрита Феофана в Синодике Кириллова монастыря

белых, перина, подушка, подкрашениною оленина, сковорода медная с скобами весом три гривенки».

Интересна своими подробностями, раскрывающими особенности пребывания Феофана в Соловецком монастыре, челобитная его братии, отправленная царю в июле 1666 года. Келарь Савватий, казначей Варсонофий и соборные чернецы жаловались на соборных старцев Александра Стуколова и на Геннадия и отставного соборного старца Ефрема Каргопольца, нарушавших указ государев о содержании ссыльных людей в монастыре, которых следовало держать под крепким началом, из монастыря не выпускать чернил и бумаги не давать. «А эти соборные старцы, - писали монахи, - живут с ними, опальными людьми, за одно, и мятежи чинят, и воровские письма составляют и чернила и бумагу подносят...».

Два с половиной года провел афонский архимандрит Феофан в соловецкой тюрьме. В ночь на 1 октября 1668 года Феофан с белым вологодским попом Сысоем и разбойником-вором Андреем Веревкиным, у которого не было левой руки и обеих ног по лодыжки, разломав Головленкову тюрьму, на карбасе бежали из Соловецкого монастыря. Через три месяца жители Кеми нашли на Шуерецком острове тела архимандрита Феофана и Андрея Веревкина и обломки их судна. Похоронили Феофана в Соловецком монастыре.

Ирина Николаевна ПАРШУКОВА,
директор Музея фресок Дионисия